

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ОПИШЕМ НАШЕ БУДУЩЕЕ (О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОУСТРОЙСТВА)

Широко известно выражение, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. И оно верно не только для военной науки. В той или иной мере с названной проблемой сталкиваются все занимающиеся исследованиями в области общественных наук. Это становится особенно очевидным на определенном этапе общественного развития, когда количественные изменения неотвратимо приводят к изменению качественных характеристик общественной системы, имея в виду то, что Д. Хендрикс называл ситуацией фазового перехода. Изменения приобретают самоусиливающийся характер и препятствуют ее возвращению в прежнее состояние¹.

При этом процесс бифуркации не обязательно завершается хаосом, система может перейти к «более высоким формам порядка»², однако новая система по своим параметрам, организационно-институциональному и содержательному наполнению будет качественно отличаться от предшествующей. В такие моменты возникает настоятельная потребность спрогнозировать направления общественной динамики. Прогнозы, основанные на адекватных представлениях о сути происходящих трансформаций, ценны не только с гносеологической точки зрения, но и с практической, поскольку позволяют правильно выбрать направления политики, «подтолкнуть» положительные перемены и элиминировать возможные социальные риски. Научное сообщество оказывается перед сложным вызовом – необходимо дать обществу достоверную картину происходящих трансформаций, нарисовать «образ будущего» при том, что само это будущее еще неявно, его перспективы неочевидны, не все «развилки» еще пройдены.

¹ Hendricks D. Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk. 2009. Retrieved from <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>

² Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // ПОЛИС. 1993. № 2. С. 27

Причины того, почему задача эта оказывается невероятно сложной, достаточно очевидны. Дело в том, что происходящие перемены все хуже поддаются осмыслению в привычных рамках работавших ранее объясняющих концепций, вполне удачно справлявшихся с аналитическим структурированием социального пространства. При этом общеупотребимого и доступного языка, на котором возможно его описать, еще не сложилось. Более того, научный язык, который сформировался в рамках уходящей эпохи, и который позволял адекватно описывать сложившуюся социальную реальность, в условиях постоянных и сущностных изменений стремительно устаревает.

Сложность теоретического осмысления происходящего, его концептуализации обусловлена не только лишь неоднозначностью процессов и их стремительностью. Играть свою роль «бедность словаря и ограниченность понятийного аппарата исследователей стремительно меняющегося мироустройства и неадекватность объяснительных моделей, при котором.... «кризис развития» накладывается на «кризис знания о развитии»¹. Главной проблемой сегодняшнего дня, таким образом, становится необходимость разработки релевантного инструментария для интеллектуального осмысления того «ускользающего из рук мира» (Э. Гидденс), в котором нам довелось жить.

Кроме того, существует вполне оправданная боязнь неизвестного будущего, что затрудняет процесс принятия самого факта кардинальной трансформации, обостряет желание пролонгировать существующие тенденции. Именно нарастанием тревоги и неопределенности, в первую очередь, объясняется и изменение общественного дискурса – от видения его как «текучей реальности» (З. Баумана) к «обществу риска» (У. Бека, О. Яницкого) и «обществу травмы» (Ж.Т. Тощенко). «Общество риска» О.Н. Яницкий обозначает как «новую парадигму общественного развития»². Это

¹ Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / Редколлегия: В.И. Пантин (отв. ред.), И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, К.Г. Холодковский. – М.: ИМЭМО РАН, 2016 – 183 с.

² О.Н. Яницкий. Социология риска: ключевые идеи. Мир России. 2003 № 1. С. 9

связано, на наш взгляд, с неопознанностью, непредсказуемостью наблюдаемой нами социальной динамики, а, значит, с плохой управляемостью процессами.

Понимание происходящего осложняется также тем, что различные процессы, протекающие в обществе – технологические, организационно-институциональные, социальные, трансформация сознания человека, наконец, – развиваются крайне неравномерно, что затрудняет вычленение основных тенденций. Так, технологическое развитие ускорилось в последние десятилетия весьма существенно, и если раньше смена технологических укладов происходила на протяжении жизни нескольких поколений, то сегодня в течение жизни одного поколения сменяется несколько технологических укладов. В его основе лежит ужесточение конкуренции по издержкам и экономическая глобализация.

Экономическая парадигма общества меняется медленнее, так как в ее основе лежат групповые интересы, подлежащие согласованию, и процесс этот идет небыстро. Политическое развитие еще более инерционно. И, наконец, скорость трансформации институтов и отношений в социальной сфере самая низкая, поскольку затрагивает интересы всех без исключения членов общества. (Здесь стоит отметить, что культура и человеческое сознание – очевидно, еще более инерционные системы. Именно «универсалии культуры» (концепт, предложенный акад. В.С. Степиным), являющиеся своего рода надбиологическими программами, определяющими характер того или иного общества, и обеспечивают устойчивость и преемственность человеческого сознания. Однако в данном случае основной упор делаем на анализ институциональных трансформаций.)

В итоге, разрушение социальных структур «уходящего» индустриального общества идет медленнее, чем формируются технологические основы общества, которое конвенционально признается информационным. При этом все эти процессы являются отражением единой социальной динамики, они взаимообусловлены и активно влияют и на

общество, и на каждого отдельного человека. Именно таким образом они и должны рассматриваться.

Очевидно, что процесс общественной трансформации обусловлен широким распространением цифровых технологий. Материальной основой этого нового формирующегося общества становится цифровая экономика, представляющая собой новую организационную логику, соотнесенную с новой технологической парадигмой¹ и нашедшую свое физическое воплощение в платформенных решениях.

Главное ноу-хау платформенных компаний – это не производство конкретных товаров или услуг, но создание условий и технологической базы для кардинального изменения моделей взаимодействия между субъектами в совершенно разных (собственно, даже не важно, каких именно) сферах экономической деятельности. Такая перемена по-своему революционна – новые модели бизнес-взаимодействий порождают совершенно новую экономическую реальность, разные грани которой известны нам под именами: экономика по запросу, гиг-экономика, сетевая, долевая, экономика совместного потребления.

В докладе, подготовленном компанией *Accenture* подчеркивается, что использование бизнес-моделей, основанных на платформенных решениях, знаменует собой "самое значительное изменение макроэкономической среды со времен Промышленной революции"².

Действительно, логика развития цифровых технологий, определяющая кардинальное изменение всей архитектуры экономики и ведущая к переформатированию всей системы общественных отношений и социальной структуры общества, приводит к размыванию таких привычных для индустриального общества понятий, как "собственность", «предпринимательство», исчезает "предприятие" в привычном смысле этого слова, уступая место краудворкинговым платформам, стираются границы

¹ Castells M. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 625 p.

² Technology Vision 2016. Available at: <https://www.accenture.com/ru-ru/company-news-release-techvision-2016>

между субъектами рынка. Здесь очень созвучна идея О.Н. Яницкого о «двойственности, двузначности всякого орудия, социального действия, организации», являющихся «одновременно инструментами креативной и разрушительной деятельности, защиты и нападения». Как и любые другие, цифровые технологии несут в себе огромные возможности, иначе они не получили бы такого широкого распространения, а их применение не стало бы конкурентным преимуществом отдельного человека, бизнесов и стран. Их не стоит излишне демонизировать, но и недооценивать связанные с ними социальные риски также нельзя.

Одним из важнейших механизмов, через который цифровые технологии оказывают непосредственное воздействие на человека, является занятость. Именно в ней преломляются технологические новации, заставляя складывающиеся здесь отношения эволюционировать от вынужденно солидарных отношений общественного производства индустриальной эпохи к полностью индивидуализированным, фрагментированным, неустойчивым, зачастую виртуальным в разных смыслах этого слова отношениям.

Основные структурообразующие элементы общества, сформировавшиеся в условиях аналоговой реальности, размываются в условиях реальности цифровой. Привычные категории научного анализа и обыденной жизни, такие как «занятость», «труд», «профессиональная деятельность», «трудовые отношения», «безработица» также меняют свое содержание, формируя основы нового общества, которое лишь отчасти может быть названо «посттрудовым»¹.

Все же основная часть населения трудоспособного возраста вынуждена будет искать возможности добывания средств для жизни, поскольку проекты с введением безусловного базового дохода провалились по экономическим причинам даже в наиболее развитых странах. Другое дело, что это не будет занятостью и трудовыми отношениями в привычном смысле этого слова. В этих условиях вторую жизнь обретает предложенное Э. Тоффлером понятие

¹ Nick Srnicek and Alex Williams. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. London: Verso, 2015. 245 p.

«протребители»¹, на наш взгляд, скорее, в художественной, нежели научно-аналитической форме отражающее происходящие в сфере труда перемены, связанные с размыванием прежних представлений о труде и профессиональной занятости.

Сегодня люди все чаще вынуждены менять сферу приложения своего труда несколько раз в год, а то и в месяц, скачивая приложения на свои мобильные устройства и становясь, вслед за «экономикой по запросу» «занятыми по запросу», никак юридически свою деятельность не оформляя. Платформа ведь, являющаяся, по сути, всего лишь программным продуктом, не может быть работодателем. Креативность же труда для значительной части таких работников заключается в том, чтобы придумать возможные способы дискретного, нестабильного, зачастую низкооплачиваемого заработка. Все это не может не вести к размыванию прежних ценностных оснований общества, смене парадигмы общественного устройства, изменению сознания людей, их мировосприятия, делает человека более зависимыми и манипулируемыми.

Несомненно, современное общество, находясь в точке бифуркации и оказываясь «обществом риска», вынуждено будет выбирать путь своего дальнейшего развития. Можно согласиться с О.Н. Яницким, говорящим о ценностной детерминированности выбора «между рискованными альтернативами»². Трудно пока сказать, будет ли сформулирован и предложен обществу некий универсальный глобальный проект его переустройства. Пока мы видим очень широкий набор вариантов образов нашего будущего.

От китайской «рыночной, управляемой по плану системы»³ с ее индексами социальной благонадежности и тотальным цифровым контролем, до футуро-архаического общества Жака Аттали и трансгуманистических

¹ Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера. 09.11.2006. <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>.

² О.Н. Яницкий. Социология риска: ключевые идеи. Мир России. 2003 № 1. С. 16.

³ Wang, B. and Li, X., 2017. "Big Data, Platform Economy and Market Competition: A Preliminary Construction of Plan-Oriented Market Economy System in the Information Era". In: World Review of Political Economy, Vol. 8, No. 2 (Summer 2017), pp. 138-161.

идей, которое все шире распространяются в странах Запада¹. Момент выбора, между тем, наступает неотвратимо, что актуализирует необходимость «политической интерпретации технического и естественно-научного знания, ... перевода этого знания на язык политического диалога и решений»².

¹ <https://www.bbc.com/ideas/videos/what-will-family-life-be-like-in-the-future/p071p72t?playlist=life-in-2039>

² О.Н. Яницкий. Социология риска: ключевые идеи. Мир России. 2003 № 1. С. 12.